

Фёдор Достоевский

БРАТЯ
КАРАМАЗОВЫ

I

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Д70

Достоевский, Ф.

Д70 Братья Карамазовы I / Ф. Достоевский. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. — 476 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-521-78018-1
ISBN 978-5-517-00083-5

Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881) — великий русский писатель, один из лучших романистов-классиков, мыслитель, философ и публицист, творчество которого оказало воздействие на мировую литературу.

«Братья Карамазовы» — заключительный роман грандиозного «Великого Пятикнижия», в котором на примере истории одной семьи автор рассматривает проблемы «отцов и детей», «случайного семейства», истинной красоты, раскрывает причины конфликта безбожия и истинной христианской веры и представляет читателю социально-философскую картину прошлого, настоящего и будущего России...

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

ISBN 978-5-521-78018-1
ISBN 978-5-517-00083-5

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
-----------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КНИГА ПЕРВАЯ. История одной семейки

I. Федор Павлович Карамазов.....	13
II. Первого сына спровадил	17
III. Второй брак и вторые дети.....	21
IV. Третий сын Алеша.....	29
V. Старцы	40

КНИГА ВТОРАЯ. Неуместное собрание

I. Приехали в монастырь.....	53
II. Старый шут.....	59
III. Верующие бабы.....	71
IV. Маловерная дама	80
V. Буди, буди!	90
VI. Зачем живет такой человек!.....	102
VII. Семинарист-карьерист.....	115
VIII. Скандал	126

КНИГА ТРЕТЬЯ. Сладострастники

I. В лакейской.....	139
II. Лизавета смердящая	146
III. Исповедь горячего сердца. В стихах.....	151
IV. Исповедь горячего сердца. В анекдотах.....	163
V. Исповедь горячего сердца. «Вверх пятами»	172
VI. Смердяков.....	182
VII. Контроверза	189
VIII. За коньячком	196
IX. Сладострастники	206
X. Обе вместе	213
XI. Еще одна погибшая репутация.....	227

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Надрывы

I. Отец Ферапонт	239
II. У отца	252
III. Связался со школьниками	258
IV. У Хохлаковых	264
V. Надрыв в гостинной	272
VI. Надрыв в избе	287
VII. И на чистом воздухе	298

КНИГА ПЯТАЯ. Pro и contra

I. Сговор	313
II. Смердяков с гитарой	326
III. Братья знакомятся	335
IV. Бунт	347
V. Великий инквизитор	361
VI. Пока еще очень неясная	388
VII. «С умным человеком и поговорить любопытно»	403

КНИГА ШЕСТАЯ. Русский инок

I. Старец Зосима и его гости	415
II. Из жития в Бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы, составлено с собственных слов его Алексеем Федоровичем Карамазовым	420
III. Из бесед и поучений старца Зосимы	457

Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода.

(Евангелие от Иоанна, гл. XII, ст. 24)

*Посвящается
Анне Григорьевне Достоевской*

ОТ АВТОРА

Начиная жизнеописание героя моего, Алексея Федоровича Карамазова, нахожусь в некотором недоумении. А именно: хотя я и называю Алексея Федоровича моим героем, но, однако, сам знаю, что человек он отнюдь не великий, а посему и предвижу неизбежные вопросы вроде таковых: чем же замечателен ваш Алексей Федорович, что вы выбрали его своим героем? Что сделал он такого? Кому и чем известен? Почему я, читатель, должен тратить время на изучение фактов его жизни?

Последний вопрос самый роковой, ибо на него могу лишь ответить: «Может быть, увидите сами из романа». Ну а коль прочтут роман и не увидят, не согласятся с примечательностью моего Алексея Федоровича? Говорю так, потому что с прискорбием это предвижу. Для меня он примечателен, но решительно сомневаюсь, успею ли это доказать читателю. Дело в том, что это, пожалуй, и деятель, но деятель неопределенный, невыяснившийся. Впрочем, странно бы требовать в такое время, как наше, от людей ясности. Одно, пожалуй, довольно несомненно: это человек странный, даже чуждак. Но странность и чуждачество скорее вредят, чем дают право на внимание, особенно когда все стремится к тому, чтоб объединить частности и найти хоть какой-нибудь общий толк во всеобщей бестолочи. Чуждак же в большинстве случаев частность и обособление. Не так ли?

Вот если вы не согласитесь с этим последним тезисом и ответите: «Не так» или «не всегда так», то я, пожалуй, и ободрюсь духом насчет значения героя моего Алексея Федоровича. Ибо не только чужак «не всегда» частность и обособление, а напротив, бывает так, что он-то, пожалуй, и носит в себе иной раз сердцевину целого, а остальные люди его эпохи — все, каким-нибудь наплывным ветром, на время почему-то от него оторвались...

Я бы, впрочем, не пускался в эти весьма нелюбопытные и смутные объяснения и начал бы просто-запросто без предисловия: понравится — так и так прочтут; но беда в том, что жизнеописание-то у меня одно, а романов два. Главный роман второй — это деятельность моего героя уже в наше время, именно в наш теперешний текущий момент. Первый же роман произошел еще тринадцать лет назад, и есть почти даже и не роман, а лишь один момент из первой юности моего героя. Обойтись мне без этого первого романа невозможно, потому что многое во втором романе стало бы непонятным. Но таким образом еще усложняется первоначальное мое затруднение: если уж я, то есть сам биограф, нахожу, что и одного-то романа, может быть, было бы для такого скромного и неопределенного героя излишне, то каково же являться с двумя и чем объяснить такую с моей стороны заносчивость?

Теряясь в разрешении сих вопросов, решаюсь их обойти безо всякого разрешения. Разумеется, прозорливый читатель уже давно угадал, что я с самого начала к тому клонил, и только досадовал на меня, зачем я даром трачу бесплодные слова и драгоценное время. На это отвечу уже в точности: тратил я бесплодные слова и драгоценное время, во-первых, из вежливости, а во-вторых, из хитрости: все-таки, дескать, заране в чем-то предупредил. Впрочем, я даже рад тому, что роман мой разбился сам собою на два

рассказа «при существенном единстве целого»: познакомившись с первым рассказом, читатель уже сам определит: стоит ли ему приниматься за второй? Конечно, никто ничем не связан; можно бросить книгу и с двух страниц первого рассказа, с тем чтоб и не раскрывать более. Но ведь есть такие деликатные читатели, которые непременно захотят дочитать до конца, чтобы не ошибиться в беспристрастном суждении; таковы, например, все русские критики. Так вот перед такими-то все-таки сердцу легче: не смотря на всю их аккуратность и добросовестность, все-таки даю им самый законный предлог бросить рассказ на первом эпизоде романа. Ну вот и всё предисловие. Я совершенно согласен, что оно лишнее, но так как оно уже написано, то пусть и останется. А теперь к делу.

